

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙДЕМАЙЕРЪ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Розанчикъ. (Волшебная сказка).
 Вѣры Желиховской. — II. Утро. (Стих.). Н. Па-
 нова. — III. Вдоль Мурманскаго берега. В. Неппога. —
 IV. Бабушка.

РОЗАНИЧКЪ.

Волшебная сказка.

ТАСТЫИ дождь зашуршалъ и застучалъ по деревьямъ и кровлѣ дома. Молніи и громовые удары слѣдовали одни за другими, безъ перерыву.

Дѣвочка сидѣла подъ своимъ лопухомъ и плакала, прислушиваясь къ жалобнымъ призывамъ осиротѣлаго птенчика.

Ахъ! Если бы мнѣ крылья или больше силы и роста! думала она.

Вдругъ что-то тяжело застучало по стволамъ деревьевъ.

Розанчикъ съ испугомъ выглянула изъ-подъ лопуха. Ой, ой, ой! Что за крупный градъ!.. Какое несчастье! Что народа поубиваетъ градомъ въ нашихъ мѣстахъ! подумала она. Однѣхъ бабочекъ сколько погибнетъ...

Вдругъ возлѣ нея что-то упало, и жалобно пискнувъ, смолкло... Предчувствуя чье нибудь несчастье, дѣвочка бросилась изъ-подъ лопуха и увидала распростертую на землѣ сиротку-малиновку. Кругомъ все побѣлѣло отъ частаго града; но она не думала что одной градины достаточно убить ее, она думала только какъ бы спасти бѣдную птичку. Схвативъ ее за распростертое крылышко, она что есть мочи начала тянуть ее подъ лопушникъ, но не могла сдвинуть ее съ мѣста, и въ отчаяніи воскликнула:

— О! Боже мой, дай мнѣ силы спасти Твое созданье!..

Въ тоже мгновенье она почувствовала въ себѣ необыкновенную силу, даже безъ труда втащила птенца въ свое убѣжище. Убѣдившись, что птичка жива, набрала дождевыхъ капель въ листокъ и влила ихъ въ ея открытый клювъ... Птичка открыла глазки; пошевелилась. Розанчикъ заботливо помогла ей подняться на ножки и вдругъ вспомнивъ, что видѣла утромъ на своемъ лопухѣ зеленую, мертвую мушку, которую и принесла ее подъ лопухи. Потрогала малиновку мушкой по носику, глупая пташка, запищавши, съ разу схватила и проглотила мушку. Дѣвочка отъ радости захлопала въ ладоши. Вспомнивши что въ ея кладовушкѣ еще есть двѣ-три ягодки вишень, она сейчасъ же ихъ принесла, расщипала на кусочки и накормила птичку, которая вскорѣ и заснула въ уголку.

Наступилъ вечеръ. Дѣвочка вышла подышать свѣжимъ воздухомъ и остановилась въ изумленіи передъ кустикомъ фіалокъ, у котораго привыкла отдыхать. Прежде верхніе листки были ей выше головы, а теперь весь кустикъ едва доходилъ до пояса... Что это значить? Неужели я такъ

выросла? Она не смѣла вѣрить своему счастью и въ недоумѣннн оглядѣлась... Небо было ясно и закатъ горѣлъ румянцемъ, отражаясь въ мокрой зелени, въ мокрыхъ лепесткахъ цвѣтовъ. Все было прелестно, все радовалось вмѣстѣ съ нашей маленькой дѣвочкой!.. Она поняла, что рискуя своей жизнью за чужую жизнь, совершила одинъ изъ подвиговъ, и опустилась на колѣна, благодаря Бога за свое счастье.

Наступила осень. Пожелтѣли листья на деревьяхъ и осыпали дорожки. По ночамъ и утрамъ становилось холодно, Розанчикъ крѣпко задумывалась, какъ провести зиму?.. Не мудрено замерзнуть, да и съ голоду умереть!.. Чѣмъ будетъ питаться?.. Ея розовое платье хотя силою чаръ не рвалось и не изнашивалось, но можетъ ли оно грѣть ее. Да еслибъ у нея была и шубка, ей казалось что и тогда бы нельзя было перенести зимнія выюги и мятели безъ крова.

Розанчикъ, послѣ того какъ подросла, пробовала вернуться къ родителямъ, но домъ былъ запертъ и ставни заколочены, отецъ и мать ея переѣхали на зиму въ городъ. Одинъ старикъ-сторожъ жилъ въ конуркѣ у воротъ; но къ нему и вообще къ постороннимъ людямъ крошка Розанчикъ боялась показаться на глаза. Сверхъ всего она и одичала нѣсколько, живя съ насѣкомыми.

Разъ она бродила въ цвѣтникѣ, подбирая высохшія лепестки розъ и левкоевъ себѣ для постельки въ новомъ жилищѣ. Она перенесла свои пожитки подъ старую грушу въ раздвоенный стволъ, обложивши расщелину щепочками и мхомъ, и все перепутала длинными стеблями цѣпкихъ растеній, а полъ устлала сухими цвѣтами и травами, и была очень довольна какъ новымъ помѣщеніемъ своимъ, такъ и сосѣдствомъ. Сосѣдкой ея была рыжая, мохнохвостая бѣлочка, быстроглазая и очень добрая. Она жила въ верхнемъ этажѣ, въ дуплѣ главнаго ствола, гдѣ, какъ опытная хозяйка, приготовила себѣ изрядный запасъ овощей, сушеныхъ фруктовъ и въ особенности орѣховъ, на всю дол-

гую зиму. Розанчикъ съ бѣлочкой очень подружилась, даже присматривала за ея дѣтками, когда та ходила на промыселъ; а бѣлка, за эту услугу, нащелкала ей запасъ орѣшковъ.

— Надо бы и мнѣ наготовить себѣ запасъ на зиму, да гдѣ хранить провизію? часто размышляла дѣвочка. Хорошо у кого есть при квартирѣ, какъ у моей сосѣдки наверху, и подвалъ глубокій, и чердакъ; а у меня одна комната! Не знаю какъ и быть: и для запасовъ нѣтъ мѣста, и страшно холодна моя квартира! Весной я съ удовольствіемъ перейду въ нее, но на зиму надо искать другое помѣщеніе!..

— Позвольте узнать, барышня, сосѣдка ваша дома?

— Не могу сказать вамъ навѣрное, учтиво отвѣчала дѣвочка задавшей ей этотъ вопросъ полевой мышкѣ. Онѣ были нѣсколько знакомы, встрѣчаясь у бѣлки. Если вамъ угодно, я сейчасъ узнаю.

— Не беспокойтесь. Мнѣ легче вашего заглянуть въ верхній этажъ... Но, если позволите, я переговорю съ вами. Я, видите ли, хотя пришла собственно къ бѣлкѣ по ея порученію, но знаю, что дѣло касается васъ; а такъ какъ я очень занята въ настоящую минуту, то лучше объясню вамъ прямо.

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчала Розанчикъ и оставивъ работу, пригласила гостью отдохнуть.

Мышь присѣла на заднія лапки и объяснила, что бѣлка поручала ей развѣдать не отдаются ли по сосѣдству подземныя квартиры; не для нея самой, грызуны этой породы холоду не боятся и всегда живутъ на деревьяхъ, но именно для васъ, такъ какъ въ лѣтнемъ помѣщеніи вамъ съ наступленіемъ холодовъ оставаться невозможно.

— Для меня? пріятно изумилась дѣвочка. Благодарю васъ!.. И что же, вы нашли что нибудь подходящее?..

Полевая мышь принялась восторженно рассказывать ей объ удобствахъ и теплотѣ найденнаго ею помѣщенія. Эту квартиру занималъ кроликъ и вотъ уже двѣ недѣли какъ онъ исчезъ: вѣроятно убитъ охотникомъ. Если вамъ угодно,

продолжала мышь, я сейчас укажу вамъ эту квартиру... Она недалеко: у самой опушки лѣса.

— Въ лѣсу? испуганно сказала дѣвочка, и подь землю!.. Развѣ это не страшно?..

Мышь принялась расхваливать свое подвальное житье. И безопасно-то тамъ, и тепло, и уютно... а главное безопасно.

— Да вѣдь тамъ темно! протестовала дѣвочка.

— Въ хорошую погоду можете сидѣть у входа, возразила ей мышь. А въ ненастье закупились—и спите, сколько угодно. Въ зимнюю стужу любезное дѣло—сонъ!

— Особливо у кого нѣтъ теплой шубки! подумала Розанчикъ и отправилась вслѣдъ за мышью осмотрѣть предлагаемое помѣщеніе.

Кроликова норка оказалась дѣйствительно чиста, суха и просторна. Входъ въ нее былъ искусно скрытъ между корнями большаго орѣховаго куста, сначала онъ велъ въ просторную кладовушку, а потомъ въ главное помѣщеніе. Видно было, что кроликъ былъ прекрасный хозяинъ: кладовушка была до половины наполнена овощами, сухими фруктами и орѣхами...

Розанчикъ рѣшилась занять на зиму эту квартиру.

Едва стукнули первые заморозки, какъ дѣвочка стала перебираться на новоселье. Добродушная мышка и бѣлка ей усердно помогали. Воробьи, старые вскормленники дѣвочки, натаскали ей цѣлый клубъ мягкой шерсти, оставленной на кустахъ линявшими овцами. Между старой грушей въ саду и орѣховымъ кустомъ на опушкѣ лѣса, то и дѣло шныряла хлопотливая мышка съ пожитками въ острыхъ зубахъ. и мелькала рыженькая бѣлочка, то вымѣряя дорожку своимъ пушистымъ хвостомъ, то скромно сидя у входа въ кроличью норку, грызя новый запасъ свѣженькихъ орѣшковъ для своей любимицы!

Такимъ образомъ, съ помощью добрыхъ знакомыхъ и друзей, Розанчикъ довольно уютно устроилась въ зимней квар-

тирѣ. Къ счастію и зима въ тѣхъ краяхъ была не сурова и не продолжительна, такъ и снѣгъ держался не долго. Вскорѣ въ лѣсу у ней нашелся еще одинъ хорошій знакомый: старый плотникъ-дятель, она когда-то еще въ дѣтствѣ отняла его у злыхъ мальчишекъ, накормила и выпустила на волю. Дятель наладилъ ко входу въ ея жилище легко отворявшіяся двери, а на ночь онѣ запирались изнутри; потомъ остругалъ для нея двѣ тоненькія палочки, меньше сѣрныхъ спичекъ въ длину и толщину. На нихъ дѣвочка, помня уроки матери, связала себѣ изъ свитыхъ ею шерстинокъ теплую шаль, которая служила ей и одѣяломъ и теплой одеждой, когда приходилось оставлять норку. Дѣла у Розанчика набралось множество. Больные звѣрьки и насѣкомые приходили къ ней за совѣтомъ и помощью, зная что она готова помогать всякому чѣмъ можетъ. Этой доброй славой она была обязана, во-первыхъ, одной пустынницѣ-медвѣдкѣ, жившей не подалеку, въ прорытомъ ею въ землѣ коридорчикѣ; во-вторыхъ, больному муравью, изгнанному за неспособность къ труду изъ муравейника. Медвѣдку боялись и не любили всѣ насѣкомыя за ея свирѣпый видъ. Никто не хотѣлъ помочь ей, когда она состарилась и не могла добывать себѣ пищи, несмотря на то, что никогда никому не вредила и питалась только кореньями да овощами. Бѣдной медвѣдкѣ пришлось бы умереть съ голода, если бы наша дѣвочка не сжалилась надъ старой медвѣдкой, и каждое утро не выносила ей корма.

Добрыя дѣла дѣвочки располагали къ ней сердца всѣхъ ее знавшихъ; но такого дѣла, которое представило бы ей случай совершить подвигъ и подлости — не представлялось.

Въ одинъ холодный вечеръ, среди зимы, дѣвочка только что поужинала орѣшкомъ и запила его талымъ снѣгомъ, который заготовляла заранѣе въ орѣховыхъ скорлупахъ, чтобы пить и мыться по утрамъ, и собиралась запереться на ночь, какъ вдругъ подъ ея дверьми раздался жалобный голосъ.

— Пустите немощнаго, слѣпаго странника переночевать подъ кровомъ, добрыя созданья!..

Дѣвочка оробѣла немного. Кто-бъ это былъ таковъ? Хорошо, какъ доброе существо... А если нѣтъ?.. Обокрадетъ, пожалуй убьетъ!.. Вѣдь и это случается! Но онъ просить о помощи: отказать нельзя.

Розанчикъ подошла къ дверямъ и робко спросила:

— А кто ты такой? зачѣмъ вышелъ изъ дома въ стужу, и такъ поздно?..

— Дома нѣтъ у меня... Былъ хорошій, теплый домикъ. Я самъ его себѣ выкопалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, думая жить въ немъ съ молодой хозяйкой. Но злые люди ее убили; меня ранили, ослѣпили и отдали на забаву дѣтямъ!.. Мучили они меня, мучили больше двухъ мѣсяцевъ... Потомъ уѣхали куда-то, а меня оставили... Пробрался я въ поле и въ лѣсъ, держася своихъ мѣстъ по памяти и вотъ второй день ищу свою норку и не могу найти по слѣпотѣ своей. А можетъ ее и снѣгомъ засыпало... Пустите бѣднаго, страннаго кролика на побывку!..

— Кролика?.. Такъ ты бѣдняжечка кроликъ безобидный?.. Иди сюда! Ступай скорѣй, отогрѣйся! Поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, бѣленькій!... Ты вѣрно голоденъ?

Въ норку просунулся бѣлый, пушистый кроликъ съ красненькими, потухшими глазками. Странникъ низко поклонился хозяйкѣ и присѣлъ на заднія лапки, вытирая передними заиндивѣвшую мордочку.

— Ахъ, бѣдный! повторяла дѣвочка, снося къ нему съѣстное изъ своей кладовушки. На тебѣ, кушай! Вотъ морковь, вотъ кочерыжка капусты! Какъ я рада что она у меня сохранилась!.. Кушай, а я припру двери, чтобы холодъ къ намъ не пробрался. Поужинай себѣ, да и ложись спать, въ своемъ углу; а я лягу въ другомъ. Утро вечера мудренѣе! Завтра лучше познакомимся.

Кроликъ поблагодарилъ и съ удовольствіемъ принялся ужинать.

Рано утромъ поднялась дѣвочка, отворила запоры дверей и съ удовольствіемъ замѣтила, что солнце свѣтитъ ярче и теплѣе. Проснулся и сладко выспавшійся гость ея и тотчасъ же принялся за недоѣденую капустку. Въ это время мышка вбѣжала зачѣмъ-то къ сосѣдкѣ и ахнула увидавъ, что у нея гости. Дѣвочка рассказала ей въ полголоса исторію кролика, а та покачивая головой и ахая, вызвала ее на минуту къ себѣ и тамъ таинственно сообщила:

— Да вѣдь это онъ, моя милочка! Зачѣмъ вы его впустили?.. Вѣдь онъ можетъ потребовать, чтобы вы очистили сейчасъ же квартиру! Можетъ прогнать васъ!..

— За что онъ меня прогнать? удивилась дѣвочка. И кто же это—онъ?

— Да онъ же! Владѣлецъ вашей квартиры! подтвердила мышь. Хорошо что онъ со-слѣпу не узнаетъ самъ своего дома; вы ему, смотрите, не проговоритесь!.. Я тоже прикажу своимъ дѣтямъ молчать. Надо постараться какъ можно скорѣе выпроводить его изъ нашихъ мѣстъ.

— Какъ это можно! Что вы говорите?.. вскричала дѣвочка. Такъ это хозяинъ дома?.. Его гостепріимствомъ и трудами я пользовалась все время!.. Боже мой! Надо его скорѣе поблагодарить и постараться по возможности вознаградить за убытки. Вѣдь я пользовалась собранными имъ запасами, какъ своею собственностью!

И дѣвочка побѣжала домой.

— Что вы дѣлаете?.. Вы себя погубите!.. Какая неосторожность! кричала вслѣдъ ей мышь. Ну, ужъ это право преувеличенная честность!

Но Розанчикъ ее не слушала. Она, запыхавшись, вбѣжала къ себѣ и тотчасъ же рассказала удивленному кролику, что онъ находится въ своемъ собственномъ домѣ; что она его занимала пока онъ пустовалъ, не думая, что хозяинъ его живъ и нуждается въ кровѣ и пищѣ.

— Я пользовалась также запасами вашими, прибавила она. Надѣюсь, вы меня простите?.. Я постараюсь вер-

нуть вамъ все, потраченное на себя и на другихъ. Быть можетъ вы захотите, чтобъ я очистила квартиру теперь же?.. Хотя это будетъ для меня и трудно, но если вамъ угодно... Приказывайте. Вы здѣсь хозяинъ!..

Кроликъ освѣдомился, кто она такая? Есть ли у нея другое убѣжище?.. Узнавъ, что она безпріютная сиротка и не имѣетъ ни родства, ни средствъ къ жизни, то въ свою очередь предложилъ ей гостепріимство, и они зажили въ общемъ жилищѣ мирно, но не совсѣмъ счастливо. Бѣдный кроликъ былъ измученъ, безпрестанно болѣлъ. И Розанчику приходилось ему постоянно услуживать. Это бы ничего! Она рада была ухаживать денно и нощно. У нея было другое горе! Хозяинъ квартиры ѣлъ въ четыре раза больше, чѣмъ она. Розанчикъ боялась, что имъ не хватитъ запасовъ припасенныхъ для одной, но стѣснялась отказывать въ пищѣ слѣпому, и ограничивала себя до самаго необходимаго.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ печальнѣе и озабоченнѣе становилась дѣвочка, тѣмъ болѣе голодала, съ каждымъ днемъ уменьшая свою порцію орѣха или сушеной ягоды. И странное дѣло! Несмотря на этотъ постъ, силы ея росли не поднимъ, а по часамъ, выростала и сама... но не знала радоваться этому ей или тревожиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась, что если еще выростетъ до окончанія зимы, то ей понадобится больше ѣсть и нельзя будетъ помѣститься въ кроликовомъ домѣ.

Зима близилась къ концу, но ни на поляхъ, ни въ лѣсу не было еще годнаго корма. Кончался кормъ и въ кладовушкѣ...

Наконецъ насталъ день, когда у Розанчика осталось всего два-три орѣшка, двѣ груши, да попортившаяся слива. Больной капризничалъ, требовалъ капустныхъ листьевъ, моркови и не вѣрилъ, что они всѣ вышли. Дѣвочка терпѣливо сносила воркотню бѣднаго слѣпца. Сама же питалась почти одной водою. Вскорѣ наступилъ тяжелый день.

Въ одно утро, положивши послѣднюю грушку передъ кро-

ликомъ, Розанчикъ пошла поискать чего нибудь съѣстнаго въ полѣ...

Печально побрела она въ холодное, пустое поле, снѣгъ уже таялъ; мѣстами чернѣла отдохнувшая за зиму земля. Ручьи съ веселымъ плескомъ и шумомъ сбѣгали съ пригорковъ; по обнаженнымъ вѣтвямъ радостно чирикали первыя пташки. Грустная, голодная дѣвочка не замѣчала проблесковъ всеобщаго возрожденія.

Вдругъ что-то вдали затарахтило. Она взглянула и увидѣла приближавшуюся къ ней лошадь и повозку съ двумя сѣдоками. Дѣвочка перепугалась и спряталась за большой камень.

Повозка проѣхала мимо. Лошадью правилъ сторожъ ихъ дома; а сзади него сидѣлъ его сынишка и ѣлъ ситникъ. Съ мучительнымъ желаніемъ съѣсть кусочекъ хлѣбца, посмотрѣла бѣдная крошка на завтракавшаго счастливца...

Что это?.. Ей показалось или въ самомъ дѣлѣ онъ уронилъ кусокъ хлѣба на дорогу?.. Сердце ея забилося отъ радости! Едва скрылась повозка за кустарникомъ, она бросилась на упавшій хлѣбъ.

Онъ показался ей лакомствомъ! Она такъ давно не видала печенаго хлѣба и такъ ужасно была голодна!.. Дѣвочка уже приблизила кусочекъ ко рту, какъ вдругъ въ воспоминаніи ея промелькнулъ бѣдный, голодный кроликъ, ожидающій отъ нея пищи...

Она рѣшительно отняла кусокъ отъ рта и чтобы не соблазниться, бѣгомъ пустилась домой.

Въ то же мгновеніе Розанчикъ почувствовала, что мучительный голодъ съ нее какъ рукой сняло! она быстро очутилась у входа въ свое жилище; но что за чудо, въ ея отсутствіе норка до того уменьшилась, что она не могла въ нее пролѣзть... Что это значить?.. Какъ же ей быть?.. Вотъ она наклонилась ко входу и крикнула:

— Бѣлянчикъ! Бѣлянчикъ!.. Подойди къ дверямъ. Я принесла тебѣ лакомое блюдо!.. Иди кушать скорѣй!

Кроликъ высунулъ мордочку и съ наслажденіемъ съѣлъ хлѣбъ. Хорошо, что онъ не могъ видѣть дѣвочку, а то принялъ бы ее за одного изъ тѣхъ дѣтей, которыя его мучили. Дѣвочка, сама не зная, совершила второй подвигъ и разомъ стала втрое выше, чѣмъ была часъ тому назадъ.

Но чудо этимъ не ограничилось. Оглянувшись назадъ, она увидала, что снѣга, застилавшіе поля, горы, лѣса и кустарники, исчезли. Тысячи птицъ наполняли ихъ свистомъ, щелканьемъ и пѣніемъ; тысячи мотыльковъ, пчелъ, жучковъ и другихъ насѣкомыхъ порхали надъ зацвѣтавшими полями.

И все это весело освѣщало солнышко, весело оно освѣщало и крошку-дѣвочку, свершавшую великія дѣла изъ любви къ ближнему.

— Ахъ! что это?!. вскрикнула дѣвочка и вдругъ вздрогнула и поблѣднѣла.

„Куку! куку! куку!“ раздалось надъ ея головою съ вершины березы.

— Боже! кукушка!

— Куку! куку!.. Чего же ты меня боишься? Ты такъ высоко поднялась, что пожалуй тебя и лапой не достанешь?..

Говоря это, волшебница расхохоталась. Изъ глубины лѣса отозвались сотни: „куку, куку, куку!..“

Дѣвочка стояла ни жива, ни мертва.

— Ну, сказала волшебница, теперь ты можешь сдѣлаться настоящей дѣвочкой, съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ? спросила Розанчикъ.

— Бездѣлица! согласишься, чтобы вмѣсто тебя братъ превратился въ такую же крошку, какою была ты...

— Братъ?!. вскричала дѣвочка. Никогда. Пускай лучше я начну снова свое испытаніе.

Въ ту же секунду великодушная крошка почувствовала, что все вокругъ нея закружилось, зазвучало; въ страхѣ она закрыла руками лицо, а когда опомнилась и открыла лицо, то увидала, что лежитъ на травѣ подъ ольховымъ кустомъ, подъ которымъ сидѣла, въ полдень съ братомъ, а вокругъ

нея копошились и ползали и летали друзья ея, насѣкомыя; только они ей теперь казались такими маленькими!.. А издалека, куда за лѣсъ уходила темная туча, слышался шумъ и шелестъ тяжелыхъ крыльевъ: это покидала лѣсъ волшебница съ свитой совъ и летучихъ мышей...

Изъ дома родителей Розанчика доносились звуки прелестной музыки.

Внѣ себя отъ радости, Розанчикъ побѣжала къ родному жилищу! А за нею весело неслась и летѣла свита ея лѣсныхъ и полевыхъ пріятелей, и какъ будто слышались слова: силою правды и любви ты выросла высоко.

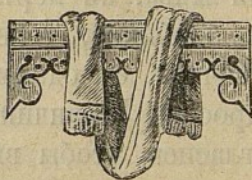
Въ дверяхъ дома встрѣтили ее мать, отецъ и братъ, она обняла ихъ, заливаясь слезами.

Самыя розы дѣлили счастье Розанчика, сіяя, точно радостными слезами, блестящими какъ брилліанты, осыпавшей ихъ вечерней росой.

Вѣра Желиховская.

Одесса.

Апрѣль 1882 г.

У Т Р О.

(А. М. Н.)

ЖЕ БЛЕСНУЛЪ алмазный лучъ денницы
Сквозь легкій паръ слабѣющей зари,
Съ листвы березъ росу стряхнули птицы,
Въ густой травѣ запѣли косари.

Звенить коса и шелковыя пряди
Лѣсной травы ложатся
За стогомъ стогъ и въ радостномъ нарядѣ
Ихъ цѣлый рядъ, пестрѣя, въ даль идетъ.

Между деревъ туманъ уже утратилъ
Свой мрачный тонъ, съ лазури льется свѣтъ...
Ликуетъ жизнь! вотъ гдѣ-то стукнуль дятель,
И ни на чемъ слѣдовъ дремоты нѣтъ.

Спать лишь одни нагорные туманы,
Да свѣтлыхъ водъ живыя зеркала...
Скрывая край медлительной бѣяны,
Струится дымъ прибрежнаго села.

Прекрасно все... Сіянье небосклона,
Двухъ облаковъ неуловимый бѣгъ,
Песчаный мысъ блестящаго Затона
И дальнихъ горъ серебряный ковчегъ.

Н. Лановъ.

17 іюня.
Красный Затонъ.

ВДОЛЬ МУРМАНСКАГО БЕРЕГА. *)

ЛИПЕРЪ нашъ вышелъ изъ г. Вадзо вечеромъ. Черезъ полчаса, прошедши Варангеръ-Фіордъ, мы были уже въ океанѣ; было тихо, солнце почти у самаго горизонта, такъ и кажется что оно сейчасъ закатится и блескъ его уже не яркій, а слабый съ красноватымъ оттѣнкомъ, можно прямо смотрѣть на него, смотришь и ждешь заката, но напрасно, оно не зайдетъ, оно точно остановилось; если же взглянуть на него спустя немного времени, то замѣчаешь, что оно опять восходитъ, становится все ярче и ярче—все выше и выше надъ горизонтомъ, и такъ въ теченіи всего лѣта, солнце, не восходя, не закатываясь, описываетъ полный кругъ на небѣ. Сильно устали мы, за-

*) Продолженіе разсказа „На морѣ“ см. № 21—22.

ливомъ пришлось тянуться по завозному якорю. *) Протянувшись довольно долго, мы поставили паруса, и кромѣ дежурнаго на руль, легли спать. На новомъ моемъ пристанищѣ не существовало никакой дисциплины, у хозяина клипера наняты были: кохъ **)—мальчишка и два матроса. Матросы исполняли работы и стояли на руль, какъ кому придется, правильной вахты не существовало, все совершалось первобытнымъ образомъ; изъ всѣхъ инструментовъ, необходимыхъ для судоходства, былъ только компасъ да нѣсколько береговыхъ картъ; на мое удивленіе по поводу этого, хозяинъ отвѣчалъ, что онъ человѣкъ простой, не изучавшій морскую науку—потому инструменты ему пользы не принесутъ—да и не надобно, говорилъ онъ, я ужъ пятнадцать лѣтъ хожу и съ Божьей помощью ничего не случалось, авось и взапредки не случится,—вотъ оно русское „авось“ подумалъ я, много надеждъ возлагаетъ на него русскій простой человѣкъ; но несмотря на такую безпечность, я какъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, дѣятельно принялся за приведеніе въ порядокъ вещей полезныхъ для плаванія. Копаясь въ чуланѣ каюты, я нашелъ нѣсколько картъ—вычистилъ ихъ, подклеилъ, подобралъ по порядку и у меня составила карта всего Мурманскаго берега, отъ Вайда-губы ***) до Св. Носа; ****) потомъ нашелся заржавленный циркуль, карандаши и линейка, только надобно было сдѣлать какъ нибудь транспортиръ, который я и смастерилъ изъ папочной обертки какой-то счетной книги, такимъ образомъ все приготовивъ, я могъ, хотя съ грѣхомъ пополамъ, приблизи-

*) Эта тяжелая работа состоитъ въ томъ, что на шлюпку берутъ якорь о четырехъ лапахъ оставляя конецъ веревки отъ него на палубѣ и заѣзжаютъ впередъ судна на сто—двѣсти сажень, бросаютъ якорь, давая знать на судно чтобы тамъ тянули, протянувъ всю веревку и пройдя эти двѣсти сажень, повторяютъ этотъ приемъ до тѣхъ поръ, пока судно не войдетъ въ вѣтеръ.

**) Поварь.

***) Одинъ изъ незначительныхъ заливчиковъ (фіордовъ) со становищемъ рыбаковъ.

****) Мысъ каменный на сѣверо-восточной сторонѣ Кольскаго полуострова.

тельно вѣрно узнать мѣсто корабля на картѣ; хозяинъ шутить и смѣялся надо мной, называлъ меня ученымъ, но я не смущался и былъ доволенъ, что нашелъ себѣ практическое полезное занятіе. Капитану было дѣйствительно все равно, прокладывая я или нѣтъ по картѣ, онъ шелъ по берегу—заѣзжая въ становища рыбаковъ, слѣдовательно рѣдко приходилось быть не въ виду береговъ, а все больше шли мы въ милю отъ берега, даже и рулевому не было надобности смотрѣть на компасъ, *) а править судно сообразуясь съ береговой линіей. Въ первую ночь, часа въ три, мы поравнялись съ Вайда-губой, гдѣ была граница Норвегіи съ Россіей, отсюда начинается Мурманскій берегъ до Св. Носа. Мурманскій берегъ носитъ характеръ почти такой же какъ и Норвежскій, тѣ же дикія скалы, безлюдіе, отсутствіе всякой растительности, кромѣ водорослей. Красивъ онъ мѣстами, въ общемъ же угрюмъ и грустенъ, кажется ни одна живая душа не можетъ здѣсь жить, сѣверная природа точно съ намѣреніемъ создала этотъ каменный уголокъ — для своего торжества и полновластія, но на дѣлѣ не такъ; сюда стремятся на лѣто тысячи промышленниковъ, бросая деревню, семью, отваживаясь на опасный и трудный промыселъ. Что же заставляеть человѣка сюда идти? Какая пожива влечетъ его, въ эту пустыню, усеянную скалами, съ вѣчно сѣрымъ, бурливымъ океаномъ? А влечетъ ихъ треска. Треска у Мурманскаго берега ловится въ громадномъ изобиліи—стада ея доходятъ до баснословныхъ величинъ, по разсказамъ рыбаковъ; наконецъ кромѣ трески ловится еще множество другой крупной рыбы изъ тресковой породы, какъ-то: тикша, сайда, зубатка и др. Треску ловятъ не сѣтями, а такъ называемыми ярусами, это длинная, въ палецъ толщины, веревка, иногда доходящая до 3—4 миль въ длину, на ней навязаны черезъ два аршина маленькія веревки въ два аршина дли-

*) Инструментъ показывающій части свѣта.

ною, на концѣ которыхъ прикрѣпленъ толстый крючекъ съ наживкой *), ѣдутъ ловить треску съ ярусомъ въ восемь, девять шнекъ **), когда выкинуть ярусъ, шнеки находятся другъ отъ друга на протяженіи всего яруса, и крайняя шнека, прождавъ ночь, или нѣсколько часовъ, начинаетъ заворачивать, образуя изъ яруса дугу, и заходитъ все круче и круче, до тѣхъ поръ, пока не сойдется съ другой крайней шнекой, тогда образуется кругъ изъ яруса—и рыбаки постепенно начинаютъ сближаться, вытаскивая при этомъ часть яруса, и снимая съ крючковъ треску; такимъ образомъ ониравномѣрно вытаскаютъ ярусъ, и работа легче и безопаснѣе въ сильное волненіе. Сайду, какъ болѣе мелкую рыбу, ловятъ сѣтями, сѣть эта дѣлается изъ грубыхъ просмоленныхъ веревокъ, сажень пятнадцать въ длину и шесть въ ширину, въ серединѣ грузъ, сѣть тоже нѣсколькими шнеками опускается на глубинѣ, причемъ одинъ изъ краевъ поднимаютъ больше другаго. Ловля сайды представляетъ очень красивое зрѣлище. Прождавъ немного, рыбаки начинаютъ поднимать опущенный край сѣти, бросая въ воду камни, чтобы испугать рыбу и заставить ее держаться въ серединѣ сѣти; когда рыбаки поднимутъ края, то начинаютъ понемногу суживать лодки, правильнымъ кругомъ огибаютъ сѣть, и по поверхности воды то и дѣло всплескиваетъ крупная рыба, а попавшая мелкая стаями плаваетъ на виду, испуганная бросаніемъ камней; чайки съ крикомъ тучей выются надъ сѣтью, подхватывая на лету мелкую рыбу, и такъ заняты добычей, что садятся на лодки къ рыбакамъ, рыбаки ихъ не трогаютъ, они считаютъ грѣхомъ ловить чаекъ; да вообще рыбаки очень суевѣрны—при мнѣ одинъ рыбакъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что къ нему въ сѣти вмѣстѣ съ рыбой попалась морская звѣзда, онъ считалъ это не къ добру, и очень удивился когда

*) Кусочекъ кожи тресковой или мелкая рыба.

**) Мѣстное названіе лодки.

я попросилъ отдать мнѣ эту звѣзду, она была очень красива и крупна, нижняя сторона ея была свѣтло-краснаго цвѣта, а верхняя—желтая и вся въ городкахъ; еслибы задаться цѣлью собирать морскихъ животныхъ, то можно было бы составить хорошенькую коллекцію, но мнѣ было не до того. Спустя два дня, мы уже проходили мимо острововъ: Зубовскаго и Килгина, и наконецъ поравнялись съ Кольской губой. Въ глубинѣ Кольской губы находится городъ Кола, кругомъ все тѣ же дикіе камни и больше ничего, вотъ, думалъ я, гдѣ жизнь-то совсѣмъ безотраднa; впрочемъ въ Колѣ и живутъ-то люди не по волѣ, значительная часть населенія Колы ссыльные изъ разныхъ концовъ Россіи. Прощедши Кольскую губу, капитанъ велѣлъ повернуть къ берегу, чтобы зайти въ становище Ринды для продажи соли и покупки трески. Чѣмъ ближе мы подходили къ берегу, тѣмъ отчетливѣе выдѣлялись берега, окаймленные скалами, гдѣ же губа, думалъ я, и только подойдя совсѣмъ увидаль узкій проходъ, а за нимъ маленькую бухту, незамѣтную въ массѣ высившихся почти отвѣсною стѣною утесовъ. Что за грандіозную картину представляли эти стѣны бураго цвѣта, иногда переходившаго въ коричневый, всѣ онѣ были изборожжены и изрыты глубокими трещинами, въ которыхъ извиваются гирляндами ярко-зеленныя водоросли. Войдя въ бухту, мы стали у устья рѣчки Ринды и бросили якорь, онъ ушелъ почти на 18 сажень. *) Дно бухты представляетъ голый камень, и часто якорь только ложится на дно, а зацѣпиться или воткнуться лапой не можетъ,—при сильномъ вѣтрѣ судно подвергается большой опасности. Ставъ на якорь, мы спустили барказъ и поѣхали въ становище. Отливъ былъ полный, приставши къ одной изъ грядъ круто спускавшихся въ воду камней, мы съ трудомъ добрались до сухого берега, каменистое дно было неровно и покрыто скользкими водорослями. Спотыкаясь и скользя на каждомъ шагу, мы добрались до песка, тутъ оправив-

---

*) Вотъ до чего глубоки фіорды Мурманскаго берега.

шись, пошли къ становищу; становища рыбаковъ состоятъ изъ нѣсколькихъ крайне бѣдныхъ бревенчатыхъ срубовъ, покрытыхъ тростникомъ, землей и водорослями; войдешь въ такой срубъ и сначала ничего не разглядишь отъ темноты, потомъ, попривыкнувъ, начинаешь различать кругомъ себя; окно есть, но что это за окно! полъ-аршина въ длину и вершка три въ ширину, затянутое рыбимъ пузыремъ, затѣмъ—большую часть пространства занимаютъ широкія лавки, или же одна лавка въ полъ-избы, на такой лавкѣ рыбаки спятъ въ повалку, завернувшись въ оленьи шкуры или въ овчину; печей нѣтъ, а есть нѣчто въ родѣ камина, сложенное изъ кирпича и мѣстнаго камня, помѣщеніе для дровъ большое, но самъ каминъ не выше человѣка;—дымъ, выходя изъ отверстія вверху камина, стелется по потолку и понемногу выходитъ въ отверстіе, которое прикрывается и открывается, по желанію, крышкой. Для храненія рыбы у промышленниковъ есть ледники, глубокія ямы съ покрывкою, набитыя мелкимъ льдомъ и снѣгомъ, лѣтомъ подбавляютъ въ нее снѣга, который легко достать, только стоитъ сходить на ближнія вершины, гдѣ въ глубокихъ трещинахъ скалъ снѣгъ круглый годъ не стаиваетъ. Рыбаки всегда сильно нуждаются въ соли, если слишкомъ запоздаетъ, или долго не заглянетъ судно въ бухту, то какой бы ни былъ хорошій уловъ у рыбаковъ, безъ соли онъ пропадетъ; треску послѣ улова сейчасъ же свѣжуютъ *) и солятъ, иначе она испортится скоро. Рыбакъ не воленъ назначить самъ цѣны за соль, судопромышленникъ можетъ не отдать соль, а рыбаку она необходима и рыбакъ какъ въ западнѣ, онъ долженъ платить то, что запроситъ судовладѣлецъ, обыкновенно же дѣлается обмѣнъ, рыбакъ беретъ соль и отдаетъ треску уже посоленную, или мѣняетъ на воюксу **). При счастливомъ уловѣ рыбакъ могъ бы нажить деньги, но онъ всегда бѣденъ,

*) Потрошатъ.

**) Рыбій жиръ.

потому что любить пить ромъ; за ромъ онъ готовъ отдать все. Когда мы вошли въ одну изъ губъ, то первый вопросъ послѣ привѣтствія, есть ли ромъ? и сейчасъ же понадобилось одному пять, другому десять бутылокъ, а третьему полъ-анкерка *) и т. д., потомъ уже стали торговать соль. Всѣ промышленники большею частью изъ Архангельской губерніи, съ поморскихъ деревень. Роста они низкаго, широкоплечи, необыкновенно выносливы и хорошіе моряки, море знаютъ, какъ свою хату; несмотря на это ихъ много гибнетъ во время промысла въ морѣ и отъ цинги — этого страшнаго бича далекаго сѣвера. Когда подходишь къ становищу, то всегда замѣтишь гдѣ-нибудь въ сторонѣ на возвышенномъ мѣстѣ группы деревянныхъ крестовъ надъ могилами погибнувшихъ тружениковъ, жертвъ сѣдого океана. Мы отправились обратно на крейсеръ, сопровождаемые рыбаками, гдѣ матросы стали отвѣшивать имъ соль, хозяинъ нашъ, взявъ соли, взялъ трески да воюксы и вдвое дороже продалъ ромъ. Покончивъ торгъ съ рыбаками, мы подняли якорь и вышли изъ губы, берегъ все дальше и дальше уходить, вотъ онъ уже виднѣется синей полосой на горизонтѣ, и вершины береговыхъ скалъ кажутся хрустальными, при освѣщеніи солнцемъ снѣга и льда на ихъ вершинахъ. Черезъ четыре часа мы обогнули „семь острововъ“ почти симметрично расположенныхъ другъ противъ друга. Слѣдя по картѣ, я видѣлъ, что недолго осталось и до Св. Носа; не доходя до него, мы обогнули Черный Носъ, который удачнѣе назвать было нельзя! Представьте себѣ большую скалу чернаго камня, выдавшуюся впередъ и издали напоминающую форму носа, на этой безлюдной, голой скалѣ кажется нога человѣческая не бывала и только чайки да альбатросы **) находятъ на ней себѣ пристанище. Миновавъ Черный Носъ, мы повернули клиперъ въ открытый океанъ, что-

*) Полбоченка.

**) Морскіе орлы.

бы обойти Св. Носъ. Вѣтеръ послѣ поворота сдѣлался попутный и мы пошли на всѣхъ парусахъ. Св. Носъ далеко уходитъ въ море, это высокая, ровная, однообразная каменная гряда, которая безконечно тянется отъ кореннаго берега въ океанъ, и походить болѣе на стѣну, воздвигнутую для прегражденія пути, нежели на скалы. Между моряками про Св. Носъ ходитъ легенда, довольно интересная, вотъ какъ рассказывали мнѣ ее матросы: „однажды въ древнія времена, говорили они, здѣсь по морю ѣхалъ на суднѣ великій патріархъ въ Соловки (какой патріархъ они не могли сообщить), подходя къ этому носу, моряки ему объявили, что, молъ, здѣсь опасно пройти, потому что всякій корабль, попавшій близко къ этому носу, подвергается нападенію множества червей, которые протачиваютъ дно, и судно гибнетъ; патріархъ успокоилъ матросовъ и велѣлъ идти дальше, когда они поравнялись съ носомъ, то матросы замѣтили, что черви нападаютъ на судно, и поспѣшили къ патріарху. Патріархъ, выйдя на палубу и, увидя кишмя-кишѣвшихъ червей, проклялъ ихъ, моментально всѣ черви пропали, потомъ онъ благословилъ воду и съ тѣхъ поръ этотъ носъ зовется Святымъ“. Поровнявшись съ оконечностью носа, я увидѣлъ маякъ *), это былъ первый маякъ отъ города Вадзо **), да и то его зажигали только въ зимнее время, мы такъ близко прошли мимо этого маяка, что я отчетливо видѣлъ его оконечность и окружающія его подводныя скалы. Онъ такими живописными группами выступаетъ изъ воды, что я взялъ бумагу и набросалъ карандашемъ общій видъ Св. Носа. Обогнувъ маякъ, мы пошли галсами, вѣтеръ сталъ сильнѣе. Прощай, Ледовитый сѣдой океанъ! Привѣтствую Бѣлое море! Мы уже въ Бѣломъ морѣ, Св. Носъ — граница океана съ моремъ, и это оправдывается

*) Башня съ фонаремъ на верхушкѣ, который зажигаютъ ночью. Башни эти строятся на опасныхъ мѣстахъ морского берега.

**) Незначительный портъ норвежскій въ Варангеръ-Фіордѣ.

фактомъ: киты въ моряхъ не живутъ, и за Св. Носомъ уже не встрѣчаются. Между тѣмъ въ океанѣ, недалеко отъ Св. Носа, при хорошей погодѣ они потѣшали насъ игрой и кувырканіемъ на водѣ; а во все плаваніе по Бѣлому морю китовъ мы уже не видѣли.

В. Неппогъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БАБУШКА.

XI.

Несчастіе рѣдко приходитъ одно.

ВЪ СЛѢДУЮЩІЙ день консульта вручила братьямъ Фидлерамъ деньги. Они дали росписку, что получили ихъ и обѣщали вѣрно доставить по назначенію. Сверхъ того, Дидрихъ просилъ Христофора смотрѣть за ящикомъ съ деньгами и обѣщаль награду.

Веселость возвратилась въ домъ Дидриха, прошедшая нужда научила дѣтей цѣнить и понимать счастье. Несмотря на это, Дидрихъ не могъ освободиться отъ тайной тоски, она какъ заноза мѣшала ему участвовать въ общей радости.

Консульта, какъ бы желая вознаградить за претерпѣнныя лишенія, требовала, чтобъ все семейство, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, веселилось и подкрѣпляло себя виномъ. Однажды, послѣ весело проведеннаго дня, всѣ крѣпко заснули. Въ домѣ было тихо, одинъ Дидрихъ работалъ въ своемъ кабинетѣ.

Пробило одиннадцать часовъ, Дидрихъ сидѣлъ углубленный въ свои занятія, какъ вдругъ сильный стукъ въ ставень

испугаль его. Стучаль станціонный писарь и кричалъ громкимъ голосомъ:

— Г. Дидрихъ! г. Дидрихъ! пожаръ! пожаръ! горить въ комнатѣ вашей матушки! раскройте ставень, я помогу вамъ спасти ее.

Внизу ставень были вырѣзаны круги, сквозь нихъ станціонный писарь увидалъ свѣтъ въ кабинетѣ Дидриха и поспѣшилъ къ нему. Дидрихъ былъ пораженъ какъ громомъ.

Станціонный писарь, стоя во дворѣ, слышалъ какъ онъ поспѣшно отодвинуть стулъ и побѣжалъ изъ комнаты.

— Гм! какъ бы Дидрихъ не растерялся! ворчалъ старикъ.

— Эй, эй! огонь! огонь! лѣстницъ, ломъ, ломайте дверь. Хо! хо! пожаръ! пожаръ! пробраться бы черезъ садъ! пожаръ! пожаръ! Зейфенцы спятъ какъ убитые. Боже милосердый, какъ окна-то на верху лопаются. Фу! какъ горить и трещить! бѣдная консульша! сгорѣтъ—ужасная смерть! Народъ! народъ! помогите мнѣ выломать дверь. Ну! ну! ну!

— Спасайте дѣтей! раздался умоляющій голосъ Дидриха и въ ту же секунду самъ онъ скрылся снова.

Наконецъ дверь подалась подъ общимъ усиленіемъ стекавшагося народа и съ трескомъ повалилась. Станціонный писарь первый бросился въ горящій домъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ съ маленькой Линой на рукахъ; за нимъ слѣдовали и прочія дѣти; тутъ же появилась и служанка.

— Всѣ ли вы тутъ? поспѣшно спросилъ онъ, передавая на руки служанки малютку.

— Батюшка! бабушка! со слезами спрашивали дѣти.

— Я пойду посмотрю, гдѣ они находятся, сказалъ старикъ и снова отправился въ горящій домъ.

Пожаръ бралъ свое. Окна перваго этажа загорались одно за другимъ, стекла лопались съ трескомъ, дымъ и пламя валили изъ нихъ и распространялись какъ внутри дома, такъ и по крышѣ. Черепичная кровля волновалась, подымалась и, лопнувши, осыпала цѣлымъ дождемъ осколковъ.

Какъ свѣчи запылали стропила и съ громомъ повалились. Колоколь звонилъ тревогу, сторожевой рожекъ звучалъ уныло, народъ кричалъ, пожарныя трубы шипѣли и заливали огонь.

Гасившіе пожаръ стали опасаться за жизнь станціоннаго писаря, какъ онъ появился въ дыму, опаленный пламенемъ.

— Нѣтъ силъ болѣе, говорилъ онъ задыхаясь. Фу! вотъ горитъ-то! Дѣти еще тутъ? Господи! умиლოსердись надъ слѣпой матерью и ея благороднымъ сыномъ.

— Я ворвался, рассказывалъ онъ, въ комнату консульши, она пылала какъ печь. Механически схватилъ я что попало подъ руку и съ трудомъ выбрался изъ огня. Вотъ оно! — онъ бросилъ что-то на землю, — посмотрите, что это такое?

И музыкальный ящикъ, въ которомъ пружинка тронулась при паденіи, заигралъ: Радуйтесь, пока горитъ лампада жизни!

— Ты приглашаешь насъ веселиться! вскричалъ станціонный писарь, а какая лампада-то горитъ здѣсь!

Противоположность была страшная между этими небесными звуками и всепожирающимъ пламенемъ.

Дѣти плакали объ отцѣ и бабушкѣ, плачь ихъ надрывалъ сердце старика. Какъ вдругъ они увидали, что черезъ заборъ сада перелѣзаетъ человекъ и слышали голосъ Дидриха, громко звавшаго дѣтей.

Съ радостнымъ крикомъ дѣти бросились въ объятія отца.

— А бабушка? спрашивали они.

— Спасена, отвѣчалъ Дидрихъ радостно, — въ бесѣдкѣ. О, какъ я богатъ! Какъ я счастливъ! Господи, благодарю тебя!

— Еще горитъ лампада жизни, говорилъ станціонный писарь, и мы будемъ радоваться. Да и что же сгораетъ тамъ? То, что можетъ быть опять сдѣлано руками человека. Тамъ пылаетъ деревянная десятитысячная армія, которая

только что поступила вчера въ домъ Дидриха; дюжина корзинъ, наполненныхъ лошадьми, деревьями и баранами. Да гдѣ же это самъ Дидрихъ? куда дѣвались дѣти? Э! вотъ они путешествуютъ въ бесѣдку. Мнѣ также надобно бы идти туда изъяснить бабушкѣ мою радость объ ея спасеніи.

Въ бесѣдкѣ на старомъ диванѣ лежала слѣпая, закутанная одѣялами. Когда она узнала, что внучаты спасены, то молча привлекла къ себѣ сына и сердечно пожала руку, которая вырвала ее изъ пламени.

Дидрихъ глубоко чувствовалъ эту безмолвную признательность за его дѣтскую любовь, счастливый удачею, онъ захотѣлъ возвысить заслуги другихъ и сказалъ:

— Милая матушка, знаете ли, что мы спасеніемъ васъ и дѣтей, послѣ Бога, обязаны честному, благородному станціонному писарю. Онъ первый замѣтилъ опасность, въ которой мы находились, и вызвалъ меня изъ кабинета.

— Говоря искренно, госпожа консульша, вѣжливо возразилъ станціонный писарь, этому виною моя трубка. Чтобы докурить мою трубку и разгуляться отъ сна, я сѣлъ съ нею на открытое окошко, поэтому-то и замѣтилъ въ комнатѣ г-жи консульши необыкновенный свѣтъ, но никакъ не могъ понять, что бы это значило, какъ вдругъ увидѣлъ, вспыхнули занавѣски, и тотчасъ же бросился бѣжать. Теперь расскажите Дидрихъ, какъ вы добрались до вашей матушки, — черезъ горящую комнату не было возможности пройти въ ея спальню.

— Я, сказалъ Дидрихъ, взялъ въ кухнѣ топоръ и выломалъ дверь горѣвшей комнаты. Изъ нея пахнуло на меня пламенемъ, я хлопнулъ дверь, взялъ лѣстницу и влѣзъ въ окно къ матушкѣ. Къ счастью сквозь трещины двери туда не много еще набралось дыму. Я разбудилъ крепко спящую матушку, изъ предосторожности выбросивъ за окно перину, взялъ матушку на руки и счастливо опустился съ нею по лѣстницѣ внизъ, въ бесѣдкѣ положилъ свою ношу и бросился къ дѣтямъ.

— Но отчего случился пожаръ? спросила консульша. Лина, не провожала ли ты меня, когда я пошла въ свою комнату спать?

При этомъ вопросѣ малютка страшно поблѣднѣла.

— Куда ты дѣвала свѣчу, Лина? поспѣшно спросила Юлія, догадываясь объ истинѣ.

Ребенокъ громко зарыдалъ и скрылъ лицо на груди бабушки, говоря:

— Поставила на стойку и позабыла.

— Успокойся, Лина, сказала слѣпая неутѣшному ребенку:—главная вина всему я. Зачѣмъ было допускать такому ребенку, какъ ты, укладывать себя спать. Но Господь еще милостивъ къ намъ. Если бы пожаръ случился третьяго дня ночью, то мы остались бы безо всего, а теперь несчастіе еще поправимо—у насъ уцѣлѣли деньги.

Воспоминаніе о золотѣ точно кольнуло въ сердцѣ Дидриха и вздохъ невольно вырвался изъ груди его.

ХІІ.

Возвращеніе на истинный путь.

Наконецъ всеобщимъ стараніемъ пожаръ укротили. Нижній этажъ дома почти совершенно уцѣлѣлъ. Семейство Дидриха пріютилось въ жилищѣ вдовы Кирбахъ, пока въ ихъ домѣ все приводили въ порядокъ.

Вечеромъ Христофоръ, покрытый пылью и потомъ, съ разстроеннымъ лицомъ, вошелъ къ матери и сказалъ:

— Ахъ, матушка! какое несчастіе, большое несчастіе! бѣдный господинъ Дидрихъ! бѣдный Фуксъ! вообразите: вѣдь ящикъ-то съ деньгами украденъ и Фуксъ погибнетъ.

Слова эти услышала консульша изъ сосѣдней комнаты и упала безъ чувствъ на свою постель. На крикъ Лины прибѣжала Кирбахъ и была поражена, увидавъ, какую бѣду надѣляли слова ея сына.

Когда слѣпую привели въ чувство и пришелъ Дидрихъ, то Христофоръ разсказалъ, какъ случилась пропажа.

„Мы переночевали прошлую ночь въ Фриденштейнѣ, такъ началъ разсказъ свой Христофоръ, и выѣхали оттуда еще до восхода солнца. Отъѣхавши не болѣе часа, хозяинъ мой вспомнилъ, что позабылъ свою трубку на постояломъ дворѣ и отправилъ меня за нею, сказавши, что подождетъ меня въ Букерсдорфѣ, гдѣ остановится поить лошадей. Я исполнилъ его приказаніе. Когда же на возвратномъ пути я вошелъ въ лѣсъ, близъ Букерсдорфа, то услышалъ въ сторонѣ отъ дороги, въ перелѣскѣ, крикъ, призывающій на помощь, и по временамъ произносилось мое имя. Увидѣвши налѣво свѣжій слѣдъ колесъ, я пошелъ по немъ и вышелъ на открытое мѣсто. Боже мой, Господи! какое страшное зрѣлище мнѣ представилось. Фуксъ лежалъ въ крови какъ мертвый, возлѣ него стояла подседелъная лошадь, опустивши уши. Всѣ ящики и ящички были сняты съ повозки и разбросаны по землѣ. Мой хозяинъ, Либерехтъ, былъ привязанъ къ одному дереву, а братъ его Генрихъ къ другому. У Генриха ротъ былъ заткнутъ платкомъ. Хозяину моему тоже засунули въ ротъ платокъ, только онъ его хотя и съ трудомъ, но счастливо вытащилъ. А то не могъ бы и звать на помощь. Платокъ еще скомканный лежалъ у ногъ его. Я вытащилъ у Генриха изо рта платокъ и отвязалъ ихъ обоихъ. Ну, какъ они бранили шестерыхъ разбойниковъ, которые напали на нихъ въ лѣсу, скрутили, связали ихъ и увезли повозку въ кустарникъ!

„Вотъ ужъ разбойники-то, подумаешь! прокололи животъ бѣдному Фуксу! онъ и такъ не ушелъ бы отъ нихъ съ возомъ. Разбойники были вооружены съ головы до ногъ, лица черныя. Они отвезли возъ въ кустарникъ, привязали обоихъ братьевъ къ деревьямъ, бросились къ ящикамъ и до тѣхъ поръ все разрывали, пока не дорылись до ящика съ золотомъ. Хозяинъ мой думаетъ, что въ этомъ дѣлѣ участвуетъ рука Пинкерта. Онъ одинъ зналъ, что у г-жи

консульши есть деньги и какъ нибудь провѣдалъ, что она ихъ отправляетъ въ Лейпцигъ. Переодѣтые разбойники были навѣрно богемскіе контрабандисты и между ними Пинкертъ, а то зачѣмъ же бы имъ намазываться саженою? Я тотчасъ же побѣжалъ за судьями, чтобы на мѣстѣ изслѣдовать и записать все дѣло. Хозяинъ мой жалѣлъ болѣе о похищенномъ золотѣ и г-жѣ консульшѣ, нежели о бѣдномъ Фуксѣ, который хотя и старъ, но все таки еще годился.

„Хозяевъ моихъ чиновникъ задержалъ въ Фриденштейнѣ, гдѣ ихъ вдоль и поперегъ спрашивали, меня же допросивши отпустили“.

Когда Христофоръ докончилъ свой рассказъ, то Дидрихъ и станціонный писарь переглянулись, во взорахъ у обоихъ выражалось сомнѣніе и недовѣріе.

— Развѣ твой хозяинъ не курить по утрамъ? сказалъ Дидрихъ.

— Всегда, отвѣчалъ Христофоръ, это его первое дѣло.

— И заколотая лошадь была уже стара и не долго могла служить? продолжалъ Дидрихъ.

— Она ужъ отслужила имъ, возразилъ Христофоръ, но все таки мнѣ очень жаль ее.

— Что это были за платки, которыми разбойники заткнули ротъ твоему хозяину и его брату? спросилъ купецъ.

— Ихъ собственные носовые платки, отвѣчалъ Христофоръ:—разбойники вытащили ихъ у нихъ изъ кармановъ.

— Оба ли брата были сейчасъ привязаны къ дереву? продолжалъ спрашивать Дидрихъ. Не могъ ли одинъ изъ нихъ развязаться или поднять руку ко рту?

— Генрихъ былъ такъ крѣпко прикрученъ, что у него на рукахъ сдѣлались красныя кольца, сказалъ Христофоръ. Либерехтъ былъ привязанъ хотя и слабѣе, но все же безъ большаго усилія не могъ вытащить изо рта платокъ.

Окончивъ свой допросъ, Дидрихъ обратился къ матери.

— Если бы я былъ увѣренъ, сказалъ онъ, что ваше положеніе не требуетъ непременно моего присутствія, то самъ

отправился бы въ Фриденштейнъ и надѣюсь, много бы помогъ къ открытію этого преступленія.

— Поѣзжай, сынъ мой! сказала консульша. Если бы тебѣ удалось спасти половину, даже четвертую долю этой суммы, то и тогда это извѣстіе было бы мнѣ лучшимъ лекарствомъ.

Поправивши нѣсколько крышу дома и поручивши свое семейство, а особенно мать, попеченію честнаго станціоннаго писаря и вдовы Кирбахъ, Дидрихъ отправился въ путь въ сопровожденіи Христофора. Вскорѣ по отѣздѣ сына консульша съ внучатами могла перебраться въ старое свое жилище.

Станціонный писарь началъ свою должность попечителя тѣмъ, что отдалъ Кирбахъ на хозяйство полученные имъ четыре червонца. Черезъ два дня послѣ пожара, прислали по почтѣ значительный свертокъ денегъ отъ неизвѣстнаго. Какъ ни отрадно было всеобщее участіе, однако же утрата денегъ, испугъ отъ пожара имѣли такое сильное вліяніе на слѣпую, что она занемогла горячкой и была близка къ смерти. Сынъ ея все еще находился въ отсутствіи, онъ старался частію напасть на слѣдъ воровъ, частію предупреждалъ вблизи и вдали находившихся банкировъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и просилъ ихъ задерживать подозрительныхъ людей, если придутъ къ нимъ мѣнять золото.

Когда консульша слегла въ постель, Кирбахъ привела къ ней женщину, которую представила станціонному писарю и дѣтямъ, какъ хожатую за больными. „Для нашей больной надобна женщина опытная, дѣятельная, которая бы безотлучно при ней находилась и не отвлекалась посторонними занятіями“, сказала она. Это убѣдило ихъ принять хожатую и ея попеченіямъ препоручили больную. Казалось, хожатая сама нуждалась въ попеченіи: къ лѣвой щекѣ была подвязана изъ травъ подушечка, отъ чего разговоръ ея былъ мало понятенъ, зеленый зонтикъ, прикрывавшій ей глаза, и большой чепецъ на головѣ—дѣлали ее не слишкомъ привлекательной. Но кон-

сульша не могла быть ввѣрена лучшему присмотру: съ неутомимымъ, почти невѣроятнымъ, терпѣніемъ проводила она дни и ночи у постели больной, въ точности слѣдовала предписаніямъ доктора, и малѣйшія желанія слѣпой исполнялись немедленно и съ кротостію. Кромѣ того, попеченія хожатой простирались и на дѣтей, которыя скоро привыкли къ ея некрасивой наружности и сердечно полюбили ее. Когда больная пришла въ память, тогда только и узнала, какимъ попечительнымъ и искусственнымъ рукамъ была довѣрена. Кромѣ того хожатая простирала свое вліяніе и на расположеніе духа консульши. Когда слѣпая въ горькихъ выраженіяхъ жаловалась на жестокость судьбы, она увѣряла, что безъ воли Бога ничего не бываетъ и что страданія часто ведутъ человѣка къ исправленію, къ Богу и приближаютъ къ источнику истинныхъ, продолжительныхъ радостей. Нѣжно и осторожно доказывала Розалія (такъ звали хожатую), что именно болѣзни приводятъ насъ къ созерцанію своего внутренняго міра, подавляютъ гордость, смиряютъ и научаютъ искать счастья въ самихъ себѣ.

Черезъ пять недѣль консульша встала съ постели и немного гуляла по саду. Въ это время получили письмо отъ Дидриха, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о своемъ скоромъ возвращеніи. Въ этотъ же день объявила Розалія, къ величайшему огорченію консульши, дѣтей и прочихъ домашнихъ, что она на слѣдующее утро должна съ ними разстаться и поступить къ другой больной въ Хемницѣ. Теперь только почувствовала консульша утрату своего богатства, ей было горько, что она не могла по заслугамъ наградить Розалію, жаловалась на это передъ ней и просила ее принять небольшую плату. Прежняя гордость оживала въ консульшѣ, но благородство Розаліи уничтожило ее совершенно; разставаясь, Розалія отказалась отъ всякаго награжденія. Это извлекло слезы изъ очей консульши, которыхъ ослѣпшіе глаза ея давно не проливали. Когда Розалія на другой день стала прощаться съ нею, то она опять заплакала; дѣти

проводжали ее тоже со слезами и послѣ толковали, кто былъ лучше: Стефанія или Розалія. Одна Лина молча сидѣла въ уголкѣ, опустивши голову.

Свѣдѣнія, привезенныя Дидрихомъ объ украденныхъ деньгахъ, были не утѣшительны, не было и слѣда мнимыхъ разбойниковъ. Братья Фидлеръ, на которыхъ падало сильное подозрѣніе, твердо отрекались. Всѣ розыски остались безъ успѣха. Наконецъ продержавши ихъ нѣсколько времени въ тюрьмѣ, выпустили обоихъ на свободу безъ подозрѣнія. Дидрихъ назначилъ награжденіе отъ пяти до десяти процентовъ съ той суммы, которая будетъ возвращена изъ украденныхъ у него денегъ, и пріѣхалъ домой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 сентября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.